

Татьяна Коростышевская

СКОВОРОДКА СУДНОГО ДНЯ

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
К68

Коростышевская Т.

К68 Сковородка судного дня / Т. Коростышевская, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 396 с.

Панна Моравянка, что держит трактир в славном городе Лимбург, видит призраков. Об этом почти никто не знает. Зато почтенные горожане осведомлены о наличии у панны наглых манер, острого языка и поставленного хука справа. Ну а призраки больше всего боятся попасть под удар ее карающей сковородки.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-91331-2

© Татьяна Коростышевская, текст, 2022
© Ольга Волкова, обложка, 2022
© ИДДК
© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Пролог

Эта история начиналась как забавный анекдот: однажды гном, маг и фея сидели на верхушке горы и беседовали. О чем? Да как обычно: о том, что с вершины Авалона мир Спящего выглядит как морская звезда, что пять ее лучей, четыре королевства — Скасгардия, Ардера, Домания, Малихабар и Тарифское княжество — более или менее процветают. Особенно Тариф, столь удачно расположенный, что через его территорию на священные горы стремятся паломники со всего мира. Что иногда королевства воюют, но, впрочем, война является частью человеческого мироустройства.

Мага звали Этельбор. Широкоплечий, темноволосый, по человеческим меркам отнюдь не красивый. Впрочем, внешность занимала его мало, он мог принять любое обличие, выглядеть на любой возраст; то, каким его видели сейчас, было скорее сентиментальной данью прошлому. Ну и супруга мага, по слухам, предпочитала видеть его именно таким.

Гном или, если угодно, подгорный цверг, носил имя Брок. Он был кузнецом, изготовителем волшебных артефактов, знаменитым во всех обитаемых мирах. Вот и сейчас в центре выложенного камнями кострища стоял на огне пузатый колдовской котел его работы, принадлежащий третьей участнице посиделок, красноволосой и красноглазой фате Леонидии, тоже

персоне известной.

Котел требовал починки. То есть его владелица была в этом уверена.

— Невкусно получается, — поясняла Леонидия, — а в истории самое главное, чтобы пряная была, чуть сладкая, слегка от слез соленая, наваристая, как охотничья похлебка.

— Ты в этой посуде их готовишь? — переспросил Этельбор, приняв хиваясь к вареву. — По старинке?

— А то! — фыркнула фата. — А после уж ваши сказители их по книжкам новомодным растаскивают. Чего нос кривишь? Сама знаю, невкусно.

— Видимых повреждений здесь нет, — сообщил Брок. — Может, с рецептом ты где-то ошиблась?

На поверхности кипящего варева лопнул пузырь, раздался девичий голосок:

— Я — Мармадель, графиня Шерези, и сейчас я вам здесь устрою...

Голосок истаял, развеялся.

— Начало новой истории? — спросил Этельбор. — О юной ардерской дворянке и бессмертном? Наверняка они друг другу судьбой предназначены, но сначала этого не поймут, встретятся в какой-нибудь условной академии... Действительно, не особо вкусно.

Фата смущенно потупилась:

— Согласна, неоригинально, но поверь, я бы из этих исходников деликатес смогла бы приготовить. Но

увы, наш бессмертный ингредиентом быть отказался.

Маг невесело улыбнулся:

— Наслышан. Лорд Мармадюк возжелал судьбу и предназначение обыграть. Так бывает, Леонидия, мы, люди, часто, ощутив бесконечность бытия, хотим сами им управлять. Ничего страшного, у этой девочки, юной графини, другая жизнь будет, не менее занимательная. Позволишь?

Этельбор наклонился над котлом, всматриваясь в бурлящее варево, поморщился:

— Однако...

— Чего там? — заинтересовался цверг. — Мармадюк от этой вот малявки сбежал? Ну так и я бы не остался. Соски с пеленками, погремушки, фрейлины...

Он отшатнулся от кипящих брызг:

— Ой! Жалко как младенчика! Так ведь не должно было быть?

— Не должно, — согласилась фея, — юная графиня должна была в любви и спокойствии до семнадцати лет расти, а потом, ощутив в себе магические силы, в академию для учебы отправиться. Первая женщина-маг, шутка ли. Там она повстречала бы усталого от жизни и побед волшебника... Эх... Они же ниточкой судьбы крепко накрепко связаны...

— А теперь, — перебил Брок, стирая сентиментальную слезинку, — девочке придется на следующий круг перерождений отправляться?

— Из-за того, что какой-то высокомерный болван

плетение ее судьбы порушил. Ты в котел-то смотри, не отворачивайся. Когда дружок ваш в вышние сферы вернется, а он вернется, ничего с ним не сделается, расскажи мерзавцу, что он натворил. И ты, Этельбор, не отставай, это и твоих рук дело, учитель всегда за учеников в ответе.

— В фате Леонидии, — задумчиво проговорил маг, — тоже вина говорит. Это ведь ты сотни лет назад эту историю про предназначение придумала. Однако ребенок все еще жив...

Его собеседники синхронно склонились над котлом, фея ругнулась, хлопнула в ладоши:

— Любопытно получается, месть как движитель сюжета...

— То есть Мармадюк не от Мармадели сбежал? — уточнил Брок. — Потому что мне он особо ничего не объяснил... Погоди, Леонидия, тогда мы должны что-нибудь сделать? Помочь как-то?

— Должны. — Густой голос Этельбора вознесся над вершиной Авалона. — Немного и не привлекая внимания вышних сфер. Девушка не должна страдать, а Мармадюк... Что ж, пусть он получит свое испытание.

Фея отвела взгляд алых мерцающих глаз от варева, прищурилась:

— Время будет идти своим чередом... что нам время... Тариф, предгорья, нарядный, как будто пряничный городок... Это будет совершенно новая история.

Глава 1

Прекрасная трактирщица

За полчаса до полудня со стороны села Застолбеньки в славный город Лимбург зашел молодой человек лет двадцати семи. Сапоги его были покрыты дорожной пылью, плащ истрепан и, кажется, прожжен у подола, на поясе болтались пустые ножны. Молодой человек был смугл, носат, его черные, как сливы, глаза рассматривали пустынную по случаю зноя и отсутствия событий улицу с веселым недоумением.

«Иностранец, — подумал пан Рышард, как раз раскуривший обеденную трубочку на крыльце своего дома. — Паломник, от своих отбился, вот и заплутал. На гору-то священную от Князева поднимаются, ему бы обратно через Застолбеньки на тракт... Пояснить надобно, да он, наверное, по-нашему не разумеет».

Пришелец, заметив Рышарда, растянул в улыбке губы и на ходу что-то забормотал.

— В Щебжешине жук жужжит в лещине... Щека-стенский щуплый щенок, жовиальная жужелица... — донеслось до успевшего испугаться горожанина.

На всякий случай пан Рышард сложил из пальцев обережную дулю, которая, как всем известно, отворачивает от добрых людей всякие иностранные колдунства, жовиальные в том числе.

— Доброго денечка, вельможный пан, — сказал мо-

лодой человек, рассмотрел внимательно грозную дулю и быстро скрутил ответную. — Здоровеньки... То есть долгих лет вельможному пану и прочих радостей.

Говорил гость по-тарифски с акцентом, как будто многочисленные шипящие звуки не помещались у него во рту, но бойко. Рышард расслабил пальцы, затаился, выпустил клуб дыма:

— И пришлому пану не хворать. Так скажу: ежели пан собирался на священную гору подниматься...

— Невесты в ваших краях есть? — невежливо перебил юнец и подмигнул старой Агнешке, высунувшейся из окошка соседнего дома на разговор. — Вижу, красавицы имеются.

Та захихикала:

— Звать тебя как, хлопчик?

— Мареком, тетушка. — Пришлый перешел на простецкий говорок, почти утратив акцент. — Бродяжка я бездомный, от деревни к деревне хожу-брожу, чтоб когда кто краюшку черствую отжалел да водицы немного, да уголок, чтоб переночевать.

— Видали мы таких Марекон, — не унималась старуха. — По масти ты чистый Мигель доманский.

«Стара Агнешка, почти слепа, а пришлого рассмотрела, — подумал Рышард. — Точно из Домании этот пан к нам пожаловал. Вон носище какой. Или не пан?..»

— По масти — да, — не спорил назвавшийся Мареком, — так то снаружи. А внутри — свой, местный.